

Сергей ЖАБА.

**ПЕТРОГРАДСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО
В БОРЬБЕ
ЗА СВОБОДНУЮ
ВЫСШУЮ ШКОЛУ.**

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

J. POVOLOZKY & Co

PARIS

Сергей ЖАБА.

**ПЕТРОГРАДСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО
В БОРЬБЕ
ЗА СВОБОДНУЮ
ВЫСШУЮ ШКОЛУ.**

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

J. POVOLOZKY & Co

P A R I S

Д О К Л А Д

СТУДЕНТА ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

С. П. Ж А Б А

Представленный Второму Съезду

Российских Эмигрантских Студенческих Организаций.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Этот очерк написан в октябре 1922-го года, в качестве доклада второму съезду ОРЕСО. — Я считал необходимым поведать эмигрантскому студенчеству о трудном пути, пройденном за эти годы студенчеством петроградским, в борьбе за демократическую общественность и свободную науку.

Считаю своим долгом перед петроградским студенчеством познакомить с этой борьбой, имеющей немаловажное общественное значение, более широкие круги эмиграции. Мое изложение, по необходимости неполное, является рассказом непосредственного участника: я входил как в университетский Совет Старост, так и в Петроградский Центральный Общестуденческий Комитет; с весны 1920-го года — в качестве его председателя, а до того — членом его исполнительного бюро. Удаленный, волею чрезвычайки, с осени 1920-го года, из студенческого движения, я сохранил с ним тесную связь и оставался всецело в курсе его, вплоть до своего отъезда за границу, весной 1922-го года.

Этим сроком и ограничивается изложение событий и характеристика студенчества.

Содержание моего очерка определяется заданием. Не следует искать в нем полного описания строя и жизни Высшей Школы, которые затрагиваются лишь в той мере, в какой это требуется темой.

Сергей Жабa.

К концу 1917-го года, Высшая Школа в Петрограде, как и во всей России, переживала кризис. Война и революция лишили ее громадного большинства учащихся.

Лишь с середины 1918-го года наступило время собирания студенческих сил. Мало по малу, хоть и не в большом числе, возвращались студенты, раскинутые по простору России.

Кроме того, свободный доступ в Высшую Школу, ограниченный лишь 16-ти летним возрастом и грамотностью, вызвал громадный наплыв на 1-ый курс. Вреда отсюда не последовало: автоматически произошел должный отбор. Неподготовленные к Высшей Школе — быстро и бесповоротно исчезли.

В общем, в 1918/19 учебном году, петроградское студенчество насчитывало не более 10-ти тысяч человек. (Отмечу здесь же, что, уменьшившись, вследствие мобилизации, в 1919/20 году, число петроградских студентов увеличилось в 1920/21 году до 20-ти тысяч, а в 1921/22 году — до 30-ти тысяч *).

---

*) Все время имеются в виду лишь академически активные студенты. Списки В. У. З. были заполнены множеством «мертвых душ», в большинстве — еще до-военных.

Вследствие оживления академической жизни, возрос в стенах Высших Учебных Заведений и удельный вес Советов Старост.

Перед лицом все более крепнувшей советской власти, в студенчестве зародилась естественная тревога за судьбу Высшей Школы.

В то-же время, сознавалась давно назревшая необходимость ее реформы. Поэтому, Советы Старост не могли более ограничиться обслуживанием исключительно студенческих нужд и интересов.

Встал на очередь вопрос об участии студентов в управлении В. Школой. Это участие, являвшееся давним студенческим лозунгом, должно было укрепить обороноспособность В. Школы всей силой организованного студенчества и ускорить процесс должных преобразований, считавшихся необходимыми еще за много лет до революции.

По соглашению с профессурой, представители студенчества нескольких Институтов уже вошли в состав органов Институты. То же было на очереди в большинстве Высших Учебных Заведений.

Наркомпрос, еще не решаясь открыто наложить руку на В. Школу, внимательно приглядывался к ее жизни.

Руководители его, считая своим главным противником профессуру, склонялись к мысли — опереться на студенчество, и, обессилив В. Школу борьбой ее составных элементов, постепенно завладеть ею.

Были созданы, одно за другим, два Всероссийских Сопещения по реформе В. Школы, с участием профессуры и студентства.

Первое, состоявшееся в августе 1918-го года, носило подготовительный характер. Более серьезное значение имело второе, созванное в сентябре.

Ожидания Наркомпроса не оправдались: профессорская и студенческая делегации проявили полное единодушие и согласно отстаивали автономию В. Школы. Изложенный Комиссариатом план, сводившийся к полному размежеванию функций ученой и учебной, встретил неблагоприятную оценку.

Делегаты, возвращаясь домой с обещанием Компроса о сохранении самоуправления и свободной научности В. Школы, могли, казалось, рассчитывать на спокойную работу. Несмотря на испытанное разочарование, Комиссариат решил не сходить с намеченного пути и удовлетворить требования студентства, как об участии в управлении В. Учебными Заведениями, так и о социальном обеспечении.

Для разработки последнего вопроса, поднятого студенческой делегацией, была создана комиссия под председательством профессора Зернова.

Требование об участии в управлении было удовлетворено декретом 18-го ноября 1918-го года, присваивавшим Советам Старост публично-правовые функции, вводившим их, впредь до избрания специального академи-

ческого представительства, в состав органов В. Учебных Заведений, дававшим им широкие права в областях академической, хозяйственной, культурно-просветительной. Еще с осени 1918-го года, петроградское студенчество организовалось следующим образом.

Советы Старост избирались, в большинстве В. У. З., всеобщим, равным, тайным и прямым голосованием, отчитывались перед сходками, но несли формальную ответственность перед референдумом. Во главе студенчества стоял Петроградский Центральные Общестуденческий Комитет (в просторечии — Цок), пленум которого составлялся из представителей всех Советов Старост. Верховной же инстанцией являлась Петроградская Общестуденческая Конференция.

Большинство профессуры искренно приветствовало студенческих представителей в органах В. У. З., видя в них союзников по отстаиванию В. Школы. Их престиж и значение быстро возрастали. Выдержанное, тактичное поведение, ценность вносимых предложений, подготовляемых академическими секциями Советов Старост, твердая и достойная защита своих мнений, постоянный энергичный отпор домогательствам Компроса — все это поставило численно небольшое студенческое представительство на значительную высоту и в немалой степени подчинило профессуру его влиянию. Последнее не только сказывалось при проведении тех или иных мероприятий, но часто имело решающее значение при выборах должностных лиц В. У. З.

Одновременно шло оживленное экономическое и культурно-просветительное строительство, а также энергичное обслуживание хозяйственных нужд В. У. З.

Между тем, Наркомпрос решил перейти в наступление.

Не имея, в сущности, никакого, сколько нибудь продуманного проекта реформы, он ограничился декретным озорством: в начале декабря 1918-го года последовало распоряжение об упразднении Юридических Факультетов. Еще с начала учебного года, университетский Совет Старост подготовлял проект реформы университетского преподавания. Сущность ее заключалась в полной отмене, в учебном отношении, факультетских подразделений и в установлении многих десятков примерных учебных планов, связывающих сродные дисциплины во множестве комбинаций, в зависимости от того, какой предмет поставить в центре внимания. Неудовлетворенный ни одним примерным планом студент получал право составить свой, индивидуальный, подлежащий утверждению соответственного профессора.

Этот проект и был предложен вниманию Совета Университета. Как и предыдущие студенческие предложения, он был принят значительным большинством, соответствуя давно назревшей потребности и являясь, кроме того, достойным ответом на выходку Компроса.

Представители Университета, от профессуры и студенчества, отправилась, в январе 1919-го года, в Москву,

и там, при «социалистической Академии Наук» состоялось совещание с руководителями Компроса, с М. Н. Покровским во главе.

Некоторыми из них, впервые, резко и определенно, формулирована была мысль о ненужности и вреде широко-образовательных целей, многостороннее развитие личности — объявлено было лишней роскошью, а выработка узких специалистов, потребных советской власти — единственной задачей В. Школы.

На сей раз, эта точка зрения не возобладала в Комиссариате. Большая часть его представителей отвергла ее. Но весьма характерно, что университетский план реформы не был принят, как «черезчур радикальный». Действительно, он радикальным образом устанавливал полную свободу и совершенную научность обучения.

Как бы то ни было, университетская делегация сумела убедить Компрос в нелепости изданного декрета. Считая неловким попросту отменить его, Комиссариат решил ограничиться словесной заменой. Были образованы Факультеты Общественных Наук, объединившие прежние гуманитарные.

Тем не менее, Петроградский Университет от своей реформы не отказался. Под неустанным давлением студенчества, она была осуществлена и сильно обогатила академическую жизнь Университета. Между тем, назревал более решительный перелом политики Компроса. Все более враждебным становилось отношение к студенчеству.

В феврале 1919-го года была распущена Зерновская Комиссия.

Широкий студенческий проект социального обеспечения — свелся к заурядной стипендиальной системе. Суммы, раздаваемые Советами Старост, поступали из Комиссариата редко и нерегулярно.

В студенчестве стали видеть наиболее стойкий и непримиримый элемент В. Школы, который необходимо обессилить и дезорганизовать в первую голову.

Не без основания, сочли наиболее уязвимой экономическую сторону студенческой жизни. Значение ее в Советской России — трудно переоценить.

Советы Старост, руководя всеми хозяйственными организациями (столовыми, кооперативами, общежитиями, кассами взаимопомощи и т. д.) и выдавая, по собственному плану, правда, скудное, социальное обеспечение, стояли в центре не только общественной, но и буднично-повседневной студенческой жизни.

И вот, решено было уничтожить студенческое хозяйственное самоуправление изъять из ведения Советов Старост все экономические организации и передать их в казенные руки, равно как и дело социального обеспечения. Согласно изданного, в феврале 19-го года, декрета, хозяйственные функции Советов Старост должны были перейти к «комиссиям по социальному обеспечению и трудовой повинности» (в просторечии — «тройки»).

Два члена комиссии назначались: один — Компросом, другой — районным совдепом. Третий должен был избираться студентами, согласно советскому избирательному праву; утверждаться Компросом и быть перед ним ответственным. Из представителей «троек» составлялся «Городской Совет», забиравший экономические организации, находившиеся в ведении Центрального Общественческого Комитета.

Во всероссийском масштабе делом должна была вестись назначенная «девятка».

Перед студенчеством ребром стал вопрос: о немедленном принятии ответственного решения.

До тех пор, и студенчество, и профессура, без различия направлений, считали своим долгом — не отказываться от деловой работы с Компросом — во имя интересов В. Школы. На них лежала доля ответственности за судьбу ее. Горячая любовь к Alma Mater и острая тревога за нее — определяли тактику студенчества, равно как и задача ограждения демократической студенческой общественности.

Постановление Комиссариата наносило удар и Высшей Школе, и студенческому самоуправлению, и основным началам демократизма.

Это постановление было первым решительным шагом к уничтожению автономии В. Учебных Заведений, так как в состав их вводились казенные органы. Оно ослабляло организованное студенчество, лишая его хо-

заявленного базиса и резко умаляя права Советов Студентов.

Наконец, демократические принципы попирались зависимостью студенческого представителя от Компроса и заменой всеобщего голосования — советским.

Студенчество стояло перед альтернативой, либо попытаться, уступив по всем этим пунктам, фактически сохранить прежнее положение в порядке деловой работы; либо, отказавшись от выборов в «тройки», не допустить их возникновения (согласно инструкции, они приступали к работе лишь в полном составе) — и автоматически лишиться и экономических организаций, и социального обеспечения.

Искушение для бедствующего петроградского студенчества было велико, а бедствовало оно, несмотря на свои экономические организации, как и вся служилая интеллигенция.

Тем не менее, студенчество искушению не поддавалось.

Застрельщиком выступил Университет.

В начале апреля 19-го года, многолюдная сходка универсантов постановила — отвергнуть предложение Компроса, каких бы жертв это ни стоило. Произведенный затем референдум дал то же решение, нашедшее живой отклик во всем петроградском студенчестве.

Выборы были произведены лишь в немногих Высших Учебных Заведениях. В результате, Комиссариат из-

менил инструкцию и участие студенческих представителей в «тройке» было сделано факультативным.

Петроградским Центральным Общестуденческим Комитетом была созвана Конференция петроградского студенчества, вторая по счету. (Первая, состоявшаяся в октябре 18-го года, имела лишь организационное значение). На конференции были ярко выражены две задачи, воодушевлявшие студенчество: творческая работа по переустройству В. Школы — и защита ее и своих прав от натиска Компроса.

Приехавшие представители Центрального Комитета московского студенчества поведали о разрушениях, произведенных в экономических организациях студенческой Москвы, успевшими там образоваться «тройками». После всестороннего обсуждения вопроса, Конференция четко и твердо формулировала отказ капитулировать перед Компросом и обратилась к петроградскому студенчеству с призывом — отказаться от вхождения в «тройки». Русское Демократическое Студенчество не для того, в течение десятилетий, завоевывало свои права, чтобы уступить их без сопротивления.

С другой стороны, Конференция проделала обширную положительную работу. Был выработан широкий, стройный план реформы В. Школы, на основах гармоничного восполнения теоретических дисциплин — соответственными практическими занятиями и работами. Таким образом, высшее образование, сохраняя строгую теорети-

ческую научность, теряло свою односторонность. Реформа, проведенная в университете, была принята, в качестве составной части плана.

План этот, далее, тесно связывался с реформой социального обеспечения, которое, по мысли Конференции, должно было явиться естественным эквивалентом упомянутых работ.

Проект был принят единогласно. В нем выразился коллективный опыт петроградского студенчества, стремление его к возрождению и улучшению В. Школы.

Детальная разработка и осуществление проекта поручено было Цок'у. В заключительной резолюции Конференция возложила на Наркомпрос всю ответственность за грядущую разруху в В. Школе, неизбежную, если Комиссариат останется глух к голосу студенчества.

Он, и в самом деле, остался, или, вернее, противорился глухим. Во множестве В. Учебных Заведений, в нарушение формальной инструкции, велся его представителями открытый шантаж: либо вхождение в «тройку» — либо лишение социального обеспечения.

На сходках, представители Ц. О. К. давали отпор агентам власти, и сходки отказывались от таких сделок, несмотря на видимые уступки Компроса, предлагавшего, келейным порядком, составлять «тройки» исключительно из кандидатов студенчества.

Лишь отдельные небольшие группы кое-где рекомендовали своих кандидатов. Между тем, Ц. О. К., исполняя предписание Конференции, послал, в июне 19-го года, делегатов в Москву, с указанным проектом реформы и требованием восстановления хозяйственного самоуправления студенчества. Разговор с М. Н. Покровским показал, что следует готовиться к худшему. Проект был категорически отвергнут, при чем заместитель Наркома подчеркнул, что правительство считает весьма вредным существование независимого организованного студенчества, мыслящего и действующего самостоятельно. Власти необходимо безоговорочное подчинение — и она его добьется.

На возражение делегатов, что приспособляются к советской власти лишь те круги студенчества, которые и в дореволюционные годы подлаживались к правительству, последовал классический ответ:

«Мы знаем и приветствуем это явление. Наш главный враг — студенчество революционно-демократическое».

Беседа закончилась предупреждением о неминуемом близком разгоне Советов Старост.

В тот же день, состоялось последнее прощальное совещание петроградских делегатов с представителями московского организованного студенчества. Московскому Ц. К. и Советам Старост — не пришлось пережить этого лета.

К моменту столь острого конфликта, силы петроградского студенчества были значительно ослаблены состоявшейся в мае 19-го года студенческой мобилизацией, призвавшей в армию студентов первых трех курсов.

Но выбора не было.

Собравшийся в начале июля, Пленум Петроградского Центрального Общестуденческого Комитета постановил единогласно:

В случае осуществления угрозы М. Н. Покровского — всем оставаться на своих местах, и исполнить свой общественный долг до конца. По мысли Цок'а, правительство, имея возможность упразднить публично правовые функции Советов Старост, не властно над функциями представительными, имеющими своим источником — исключительно волю студенчества. Расходясь с собрания, члены Цок'а читали в «Вечерних Известиях» декрет о роспуске.

Студенчество ответило на него взрывом негодования и еще большим сплочением вокруг органов своего самоуправления.

В тех немногих В. У. З., где состоялись выборы в «тройки», избранные представители были немедленно отозваны.

По предложению Цок'а, профессура всех В. У. З. признала права Советов Старост непоколебленными и уча-

стие их в органах В. Школы — неизменным. Надо добавить, что декрет 7-го июля заключал в себе и конструктивную часть: установление студенческого академического представительства, в Советах и факультетах В. У. З. — в размере одной трети, а в правлениях и президиумах факультетов — в размере половины всего состава. При этом две трети представительства должны были назначаться коллективами коммунистов.

Само собою очевидно, что второй пункт декрета игнорировался так же, как и первый.

Настроение студенчества было зафиксировано многочисленными сходками, созванными во всех В. У. З.

С наибольшим под'емом прошла сходка в Университете, где, по заслушании объяснений представителей Компроса, Ц. О. К. и Совета Старост, принято было постановление: благодарить Совет Старост за его деятельность и поддерживать его до конца.

Члены его, вернувшиеся в зал после голосования, были встречены единодушной громовой овацией, длившейся несколько минут.

Крики «спасибо» и нескончаемые рукоплескания лишь раз доказали, как крепка связь между студенчеством и его избранниками.

С середины июля, появились настойчивые слухи о намерении правительства, с целью сломить петроградское

студенчество, произвести массовое зачисление его в красную армию.

Но отступлению не было места. Студенчество сознавало, что оно защищает основные идеалы русской демократической общественности: свободное самоуправление и свободную В. Школу.

Разумеется, под такими ударами советской власти, творческая работа в В. У. З. сильно затруднилась. Задуманная всесторонняя реформа была сорвана — и на первый план выдвинулись вопросы борьбы. Тем не менее, повседневная жизнь В. У. З. и обслуживание студенческих интересов требовали и внимания, и сил студенческих представителей. Так, незадолго до декрета о роспуске Совстаров, удалось добиться отмены для студентов принудительных работ и Всевобуча.

Весной и летом 19-го года подготовлялось соединение Университета, Бестужевских Курсов и Факультета Общественных Наук Психоневрологического Института. И профессура, и студенчество тщето возражали против этой меры, уничтожавшей, без всякого смысла, ценные культурные гнезда, со своеобразными научными и преподавательскими традициями. Соображения экономии вязли верх, что знаменовало резкое понижение внимания Компроса к хозяйственным нуждам В. Школы.

И профессура, и студенчество сочли себя обязанными принять деятельное участие в работавших комиссиях.

Приходилось с боя отстаивать каждую кафедру будущего единого Университета.

Объединение состоялось осенью 19-го года и несколько пополнило ряды университетского студенчества, передевшие от мобилизации. Этою же осенью, в Петрограде впервые появился при университете Рабочий Факультет, обосновавшийся в помещении Бестужевских курсов. Создавая Рабфаки, Компрос преследовал две цели: получить кадры коммунистической интеллигенции и создать внутри В. Школы, покорную себе силу.

Пожалуй, вторая цель имела большее значение. Профильтрованные в политическом отношении, связанные суровой дисциплиной, находясь под постоянной угрозой увольнения, слушатели рабфаков явились послушным орудием в руках Комиссариата. Нельзя, правда, не отметить их горячей жажды знания. Они взялись за учение с громадной энергией, поглощая курс средней школы всеми силами свежего, неискушенного ума.

Но это стремление учиться — лишь увеличило их зависимость от Компроса.

Университетский Совет Старост решил обратить на студентов Рабфака самое серьезное внимание и попытаться установить с ними духовную связь.

Одновременно надо было подумать и о поступившей осенью молодежи. Недостаточно активная, неимеющая навыков общественной борьбы, она могла измениться

к лучшему лишь под влиянием своих старших товарищей.

Таким образом, требовалось напряжение всех сил. В это время и разразился давно ожидавшийся удар. Учебный год начинался с 1-го октября. В октябре — поход Юденича совершенно парализовал петроградскую жизнь. А в ноябре — была объявлена мобилизация студенчества. Мобилизация эта явно имела полицейско-карательные цели. Комиссии, образованные во всех В. У. З. должны были сортировать студентов по степени политической благонадежности: на командные курсы, в красноармейцы, в концентрационный лагерь. Далее, студенты лишены были права получать отсрочку отбывания воинской повинности, в качестве незаменимых работников. Это право оставления на учете избавило многие и многие тысячи интеллигенции от военной службы.

На сей раз, петроградский мобилизационный отдел мог лишь сослаться на прямой запрет Москвы. Москва же делала исключение лишь в самых редких случаях.

Мобилизованные студенты были отправлены во Владимир, где провели несколько ужасных месяцев. Их держали впроголодь; не давали, в виде особого, должно быть, издевательства, воды для умывания; подвергали самому грубому обращению. Чтобы не умереть с голода, они принуждены были распродать все, что имели, оставшись буквально в одних шинелях.

Помощь, оказываемая, по мере сил, студенчеством, оставшимся в Петрограде не могла, при всем желании, быть достаточной. Под влиянием многочисленных протестов и хлопот, мобилизованные были, в конце концов, переведены, частью в Москву, на интендантские курсы, частью в Вологду в писарскую команду.

В самый разгар мобилизации, состоялись выборы нового университетского Совета Старост. Ушедшее студенчество, своим голосованием, поручало остающемуся стоять на том же посту и продолжать прежнюю борьбу.

Положение было безконечно трудным. О Рабфаке пришлось оставить попечение. Главной заботой было молодое студенчество.

Изыскивая меры общественного воспитания, Ц. О. К. пришел к мысли об устройстве общестуденческих вечеров-годовщин.

Таким образом отмечены были: день смерти Льва Толстого, Н. К. Михайловского, день восстания декабристов, 5-го и 9-го января, 1-го марта и т. д.

Выступали ряд общественных деятелей и профессоров, характеризуя общественное значение годовщины, в связи со старыми заветами русской интеллигенции.

Далее следовала «студенческая» часть вечера, с выступлениями наиболее популярных студенческих вождей. Вечера зачастую заканчивались общим пением старых студенческих песен.

В то же время, на очередных сходках трактовались насущные вопросы жизни В. Школы. Продолжалась и работа в органах В. У. З.

Уже к середине учебного года молодежь сравнялась бодрой активностью и воодушевлением со старшими товарищами, если не превзошла их.

Между тем, В. Школа переживала черный год.

В ледяных аудиториях, дрожа от холода, читали профессора маленьким группам студентов.

Подавленным было настроение профессуры, обескураженной противоречивыми постановлениями Комиссариата.

Замер и погрузился во тьму старый университетский корпус — и лишь в маленьких комнатах общежития не потухали огоньки научных занятий и собирались по-редевшие слушатели.

Экономические организации, в руках «троек», разваливались. Казалось, В. Школа умирала. И вот, перед лицом ее кризиса, Ц. О. К. решил перейти к более решительной тактике.

В начале марта 20-го года созвана была сходка петроградского студенчества для обсуждения вопроса «о спасении и возрождении В. Школы».

С громадным под'емом была принята резолюция, возлагавшая на правительство, перед лицом страны, всю ответственность за агонию В. Школы и резюмировав-

шая ряд давних требований студенчества: отказ от безответственных экспериментов над В. Школой, обсуждение и проведение всех мероприятий с участием профессуры и студенчества, демобилизация студентов, уничтожение «троек», возвращение всех прав студенческого самоуправления и т. д.

Резолюция эта, посланная в Москву, вызвала лаконичский ответ Наркомпроса: «Мы видим, что, не смотря ни на что, петроградское студенчество осталось прежним». Та же сходка обратилась к Ц. О. К. с предложением создать Петроградскую Общестуденческую Конференцию.

Ей, как верховному органу петроградского студенчества, надлежало достойным образом выразить его волю.

При продолжавшемся в Петрограде осадном положении, предстояла весьма рискованная задача. В глазах правительства, Ц. О. К. не только не имел права на созыв Конференции, но и права на существование. Оставалось лишь идти ва-банк.

В апреле месяце, Ц. О. К. объединивший к этому времени 18 В. У. З., где сохранились Советы Старост, обратился к петроградскому студенчеству с воззванием, характеризуя создавшееся положение и приглашая немедленно приступить к выборам.

Студенчество горячо откликнулось на этот призыв.

С особенным подъемом прошли выборы в Университете. Единодушно избранные делегаты приветствовались

долгой и дружной овацией. Здесь же обнаружилась явная враждебность слушателей Рабфака к старому студенчеству. Держа себя резко-вызывающе они, в конце концов, покинули сходку.

Между тем студенчество вовсе не было предубеждено против них. Мартовская общестуденческая сходка приветствовала впервые появившегося представителя Рабфака — с большой сердечностью. Вполне дружественным было и отношение сходки университетской.

Выборы проходили оживленно.

Заведующий петроградским отделом народного образования, Зеликсоп, устроив общестуденческий митинг, потерпел на нем полное фиаско: митинг единогласно присоединился к требованиям мартовской сходки.

Сильно встревоженный Компрос счел за лучшее санкционировать созыв Конференции, придав ей официальный характер, при чем выборы должны были состояться по избирательной инструкции Комиссариата.

Между тем, они уже закончились в большинстве крупных В. У. З. Для обсуждения создавшегося положения было созвано совещание, в составе пленума Ц. О. К. и всех избранных уже делегатов.

Власти заранее осведомились о месте и времени — и представитель Управдела Петросовета был командирован для ликвидации собрания. Пришлось спешно переместить место совещания.

В виду полной невозможности, при создавшихся условиях, провести явочную конференцию, решено было согласиться на предложенные Компросом перевыборы, предложив студенчеству избрать тех же делегатов.

В самый разгар избирательной кампании, в конце мая, комиссариатом был устроен большой диспут о реформе В. Школы, привлекший аудиторию в полторы тысячи человек, преимущественно студентов.

Открывший собрание М. П. Кристи, заведующий отделом В. У. З., заявил с большим апломбом, что «подпольные» советы старост потеряли всякое доверие студенчества и опираются лишь на «жалкую кучку», что «старое организованное студенчество» умерло и стало «тенью прошлого».

Не прошло и нескольких минут, как Кристи стал свидетелем бурных рукоплесканий, которыми аудитория встретила представителя Ц. О. К., прерывала его речь и проводила его с трибуны.

Тот же успех имели и остальные студенческие ораторы.

Овации же, которых удостоился профессор Л. П. Карсавин, подчеркнули ту связь, которая образовалась между профессурой и студенчеством за годы совместной работы на благо В. школы.

В овациях этих приняли участие и находившиеся на собрании матросы и рабочие. На следующий день весь

город толковал о диспуте, а советская пресса злобно улюлюкала.

Компрос, приведенный в полное замешательство, решил двинуть «тяжелую артиллерию» и, за день до открытия Конференции, пригласил Зиновьева выступить на ней с докладом о текущем моменте.

Между тем, повестка занятий Конференции, опубликованная еще до начала выборов, заключала исключительно вопросы жизни В. Школы.

Открытию Конференции предшествовало совещание Зиновьева с представителями Компроса и коллектива коммунистов рабфака.

Обсуждался вопрос, следует ли немедленно арестовать наиболее «вредных» студенческих лидеров. Решено было, до поры до времени, выждать, чтобы не раздражать студенчество и Конференцию.

К сожалению, состав Конференции не оправдал общих ожиданий.

К этому времени, в комиссариате было зарегистрировано 35 В. У. З. Многие из них были таковыми лишь по названию: Институт Фотографии и Фототехники, Пожарный Институт и др.

Иные, как например, Институт Внешкольного Обучения, Институт Живого Слова, основанные лишь в 1918-19 году, лишены были студенческих традиций и не

имели достаточной духовной связи с петроградским студенчеством.

В технических В. У. З., выборы производились в весьма неудачный переходный момент : как раз весной 1920-го года были откомандированы из армии студенты старших курсов, для ускоренного окончания технического образования. После военной службы, они не успели еще проникнуться студенческой психологией и приобрести необходимую общественную стойкость.

Имела значение и избирательная инструкция, всячески затруднявшая широким кругам студенчества участие в выборах, и «раз'яснение» многих кандидатов. Большую роль сыграло также то обстоятельство, что студенчество не знало, во время выборов, о предстоящем докладе по текущему моменту. Поэтому, делегаты не связывались политически директивами, избирались, зачастую, по чисто деловому критерию и оказывались не чужды советскому обыкновению: уступать власти в вопросах декларативных ради возможности деловой работы.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами, это дало возможность проскользнуть на Конференцию многим оппортунистам, для которых, во всех случаях жизни, Париж стоит мессы и немногим правым, самим по себе бессильным, неучаствовавшим все эти годы в студенческой борьбе и постоянно гнувшим линию политической благонадежности.

На политических выборах и тех, и других ждал бы неминуемый провал. Разумеется, участвовали в выборах и рабфаки: университетский и, вновь основанный, технологический.

Университетский рабфак, приведенный *in corpore* на сходку универсантов, подавил их своей численностью. Лишь угрозой ухода со сходки удалось добиться пропорции и провести трех делегатов. Несколько видных представителей студенчества остались за флагом.

Конференция торжественно открылась в середине июня 1920-го года.

При выборах президиума обнаружилось равенство сил: «старое организованное студенчество» — 80 голосов, коммунисты — 20, болото — 55.

Доклад Зиновьева, обычного содержания, расплывчатый, однако, из внимания к студенчеству, «луначаристыми» тонами, вызвал бурные прения, сопровождавшиеся драматическими столкновениями с Зиновьевым студенческих вождей.

Их точка зрения сводилась к тому, что, студенчество, готовое отдать свои силы делу возрождения В. Школы и культурного строительства — достоинством своим не поступится, в защитный советский цвет не перекрасится и выражать лицемерное доверие советской власти — не станет.

Зиновьевым была предложена осторожно сформулированная резолюция, смысл которой клонился, конечно, к поддержке советской власти.

Голосование показало : что, в результате, болото усилилось: Резолюция Зиновьева была положена в основу 86-ью голосами из 155-ти. — и была принята, с поправкой о «свободе и равноправии для всех трудящихся».

Трудно передать мучительное чувство, с которым студенческие делегаты, верные своему знамени, пережили этот постыдный эпизод.

Вотум конференции был встречен студенчеством — взрывом негодования.

При состоявшихся в эти дни выборах на московском совещании по делам специальной В. Школы, многие В. У. З. провалили своих прежних делегатов.

Общий голос был: мы вас на такое голосование не уполномочивали. Конечно, при таких условиях, деловая работа Конференции много потеряла в своей плодотворности, хотя и было разработано несколько полезных академических и хозяйственных мероприятий, — при чем представители Комиссариата надавали ряд обманных обещаний, о сохранении научности и свободы преподавания в В. Школе.

Характер действительной искренности имела другая резолюция, явившаяся откликом взятия Киева у поля-

ков и разрушений, произведенных ими при отступлении.

Резолюция эта, приветствовавшая Красную Армию и клеймившая вандализм армии польской, отражала настроение большинства русского общества и была принята единогласно при 2-х воздержавшихся.

В конце июня, вслед за окончанием конференции, состоялись выборы в Петросовет, в которых впервые могли принять участие студенты.

На этих выборах, петроградское студенчество ясно показало, что Конференция совершенно не отразила его настроения, и что блок коммунистов, правых и советских обывателей торжествовал лишь минутную победу.

В результате выборов, коммунисты потерпели полное поражение.

Военно-Медицинская Академия, Технологический, Электротехнический, Медицинский и II Педагогический Институты приняли наказания, заключающие в себе требования восстановления свободы слова, собраний, печати, союзов, неприкосновенности личности, независимого и гласного суда и отмечавшие одновременно необходимость отпора Польше (во всех 5-ти) и Врангелю (в 4-х).

В большинстве других В. У. З. довольствовались провалом коммунистических и избранием оппозиционных кандидатов.

Универсанты были снова подавлены рабфакистами — и покинули избирательное собрание. Кандидаты их, в порядке студенческой солидарности, были избраны в Петросовет студенчеством Медицинского Института.

Надо отметить, что коммунисты потратили на студенческие выборы не мало энергии. В частности, в Медицинском Институте выступал небезызвестный Н. Кузьмин, всячески старавшийся провалить кандидатуры универсантов, особенно одиозные для Смольного. Отчаявшись в успехе, он покинул собрание, не дожидаясь голосования.

Студенчество оказалось единственной общественной группой, пославшей в Петросовет большинство оппозиции.

Таким образом, реванш был взят с лихвой, и на эпизод Конференции не решались более ссылаться сами коммунисты.

И вот, началась полоса арестов.

Первый случай имел место в середине августа — и вызвал должные протесты студенческих сходок. Широкие аресты среди университетов произведены были в октябре, в начале 1920/21 учебного года.

Среди изложенных событий, так и не пришлось провести в жизнь подготовлявшийся университетским Советом Старост весьма полезный и важный проект учреж-

дения советов кафедр, удовлетворявший существенной потребности университетской научно-учебной жизни.

Так систематически срывалась созидательная работа студенчества.

Осенью 1920-го года, молодежь явилась в В. Школу в большом количестве. В один лишь Университет поступило свыше тысячи человек.

Молодежь эта, против ожиданий, сразу же оказалась **живой, бодрой и активной**. Повидимому, в недрах самого общества произошли незаметные молекулярные изменения, сказавшиеся на духовном облике юношества.

С начала учебного года, начались агрессивные действия Комиссариата. Во все В. У. З. были назначены комиссары, входившие, для контроля, в правления. От них же зависело разрешение сходов.

Даже «тройки» не удовлетворяли более и, взамен их, введены были уполномоченные по социальному обеспечению.

В ноябре 1920-го года, Компрос назначил комиссию для составления в духе коммунистической догмы программ преподавания общественных наук в В. Школе.

(Уместно будет здесь же отметить, что ее работы, если таковые производились — не дали никаких результатов).

Далее, спешно готовился проект нового устава В. Школы, заменявший выборные органы В. У. З.—назначенными.

За профессурой и студенчеством сохранялось лишь право рекомендации. Открыто восторжествовал принцип выработки спецов — и университеты были подчинены Главпрофобру.

Это был удар по широко-теоретическому образованию, ценность и значение которого для русской культуры и русской общественности неизменно были боевым лозунгом университетского студенчества.

Правда, одно лишь перечисление из одного ведомства в другое не могло переродить природы университетского преподавания.

Но, как ни как, принцип был прокламирован.

Сошла на нет проведенная студенчеством университетская реформа: Комиссариатом был постановлен «твердый» обязательный курс обучения. Лишь студентам старших курсов, прежде избравшим примерные или индивидуальные планы, разрешалось закончить их.

Несколько улучшилось лишь хозяйственное положение В. Школы.

Перед студенчеством, прежде всего встал вопрос о формах организации. При данных условиях, всего целесообразнее было временно удовлетвориться формой

академического представительства, дававшего широкий организационный базис. В Университете, например, должно было быть избрано свыше ста человек.

Правда, по декрету 7-го июля 19-го года, 2/3 мест поступали в распоряжение коммунистов, но можно было игнорировать декрет, что и было сделано с полным успехом.

На происшедшие аресты студенческая масса реагировала самым действительным образом: реальной помощью арестованным.

Производились отчисления от скудных хлебных пайков. Всевозможные продукты слали, в большом количестве, и горняки, и педагоги, и технологи, и военномедики и ряд других Институты. Слали не от избытка, а от крайней нужды.

Борьба с вмешательством комиссаров в дела В. Школы то и дело сопровождалась резкими конфликтами. На шумных сходках, молодежь заглушала речи коммунистов бурными криками, возмещая, по мере сил, отсутствие старых ораторов.

Однажды Гредескул был приглашен университетским комиссаром прочесть доклад на сходке.

Появление его ознаменовалось грандиозной обструкцией.

Свыше часа почтенный профессор, с завидным терпением, стоял на кафедре.

И свыше часа студенческая молодежь производила невообразимую какофонию.

Кажется, Гредескул уехал обиженный.

Вокруг выборов студенческих членов правления Университета шла острая борьба. Состоялось несколько бурных сходов. Наконец, рабфак победил незначительным большинством, что вызвало демонстративный уход студентов «основных» факультетов со сходки и еще более интенсивную поддержку академического представительства. О неизменном значении студенчества и его представительства в Университете можно судить хотя бы по тому, что Совет Университета избрал председателя студенческого представительства — помощником проректора.

Репрессии все усиливались.

В феврале 1921-го года последовали аресты среди технологов, психоневрологов и педагогов.

В мае — среди недавно частично освобожденных университетов, военно-медиков и медиков.

Последние пострадали особенно сильно: Смольный и Чека не могли простить Медицинскому Институту его роли на выборах в Петросовет.

Арестованные медики были сосланы в Холмогорский лагерь, в исключительно мучительные условия.

С тех пор, не проходило ни одной сходки без бурных требований амнистии.

Несмотря на все репрессии, настроение студенчества не понижалось.

Вольные речи звучали все так же громко, а академические представительства приучали широкие круги молодежи к общественной работе.

Весной 1921-го года, в Москве состоялось совещание по делам В. Школы.

Комиссариат изложил там свой проект устава, вытравлявший выборное начало из В. Школы и преобразовывавший даже Советы В.У. З. в небольшие назначенные коллегии.

Проведение устава в жизнь было, разумеется, обеспечено. Возражения ничего изменить не могли.

Учебный год заканчивался при возрастающем озлоблении студенчества.

Уместно отметить здесь, что с совещанием совпали студенческие волнения в Москве, вызванные избиением политических заключенных в Бутырках и имевшие следствием — преждевременное прекращение семестра и массовую высылку студентов из Москвы.

Летом 1921-го года, в центре общественного внимания стала организация помощи голодающим.

Призыв Российского Общественного Комитета вызвал среди петроградских студентов живой, единодушный отклик.

По инициативе Технологического Института, все В. У. З., на многочисленных сходках, избрали делегатов, общее собрание которых выбрало студенческий комитет помощи голодающим. Комитет этот, от имени двадцатитысячного петроградского студенчества, отдал себя в распоряжение Общественного Комитета.

Быстрая ликвидация последнего положила конец работе.

Студенческий комитет, считая подчинение казенному помгону несовместимым со своим достоинством, и совершенно бесплодным — вынес постановление о своем роспуске.

Яркий порыв петроградского студенчества также, как и всей русской общественности — был грубо пресечен властью.

Лишь много позднее, отдельные В. У. З. смогли наладить некоторую помощь находившимся в Петрограде голодным беженцам.

Осенью 1921-го года, наплыв молодежи в В. Школу был еще более стремителен.

(В частности, в Университет поступило до 4.000 человек. Число студентов его возросло с пятисот в 1918-19 году до шести тысяч) *). Благодаря демобилизации старших возрастов, немало старых студентов также вошло в ряды учащихся В. У. З.

На этот раз, прием был, в первую очередь, по партийным и профессиональным рекомендациям, но рекомендованные заполнили, в большинстве В. У. З., лишь меньшую часть вакансий, да и мало чем отличались от своих коллег.

Интерес молодежи к общественным делам, активное настроение ее, переходили, сплошь да рядом, в восторженную экспансивность и превосходили такие же качества поступивших в прошлом году.

Это знаменовало несомненное общественное пробуждение : молодежь явилась из самой гущи советской жизни.

Ноябрьские выборы в Петросовет проявили, в полной мере, настроение петроградского студенчества.

Помня результаты прошлогодних выборов, Смольный принял чрезвычайные меры.

---

*) Не считая рабфактивов. Число последних также значительно возросло и, кроме того, были основаны рабфаки Горный и Путейский.

В отличие от прочих избирателей, студенты получили назначенный президиум избирательных собраний.

Выборы были назначены не от отдельных В. У. З., а порайонно, с участием партшкол, коммунистических «университетов» и т. д.

Тем не менее, студенты явились в таком количестве, что имели большинство в районах Выборгском, Петроградском и I Городском

На избирательном собрании Выборгского района, речи Евдокимова и Луначарского прерывались бурными протестами.

Громовые рукоплескания вызвало оглашение наказа с требованием гражданских свобод

После выражения решительного недоверия казенному президиуму, Евдокимов, председательствовавший на собрании, заявил, что выборы от студентов Выборгского района — произведены не будут.

Большинство собрания ушло с пением «Из страны, страны далекой...»

Оставшиеся коммунисты избрали делегатов от имени района.

Так же обстояло дело и в Петроградском районе, но с другим финалом.

После отказа собрания включить в кандидатский спи-

сок хоть нескольких коммунистов и повторения Евдокимовым того же заявления, что и в Выборгском районе, собрание упорно продолжало сидеть, с пением «Быстры, как волны....», предоставив коммунистам удалиться первыми.

Таким образом, Петроградскому району не было навязано фиктивного представительства.

В I Городском районе, без большого труда, удалось провести намеченных студенчеством кандидатов.

Евдокимов и К°, весьма основательно опасаясь, что с василеостровцами, и подавно, не будет никакого слада, решили прибегнуть к весьма действительному средству : В. У. З. Васильевского Острова были извещены о сроке и месте избирательного собрания — лишь поздно вечером накануне.

Поэтому, на 2.000 рабфакистов, каких-то курсантов и т. д. — смогли явиться лишь 100 универсантов и горняков.

Оставалось лишь с протестом покинуть собрание.

Таким образом, ноябрьские выборы еще раз обнаружили неспособность петроградского студенчества перекрашиваться в защитный советский цвет.

Студенчество снова резко выделилось среди остальных избирательных категорий.

В том же ноябре 1921-го года, повышенное настроение нашло себе исход в первой за советские годы студенческой уличной демонстрации.

Была назначена сходка студентов Основных Факультетов Университета для заслушания отчета своего академического представительства.

На эту сходку насильственно вторгся приведенный коллективом коммунистов рабфак...

Участники сходки, в числе более полутора тысяч человек, демонстративно покинули Зимний Дворец, где происходило собрание, и прошли к университету, с пением студенческих песен.

Стали трамваи, приостановилось уличное движение...

Демонстрация, своей неожиданностью и внушительностью, произвела глубокое впечатление.

В начале декабря, были освобождены медики и универсанты, но только безпартийные. Студенты других В. У. З., за исключением партийных, были отпущены еще раньше.

С самого начала учебного года, весьма резко встал вопрос о новом уставе. В связи с введением его, были упразднены комиссары и к ректорам В. У. З. перешло право разрешения сходок. Цену считали, разумеется, несоразмерной.

В большинстве В. У. З., сходки отправляли в Москву резолюции протеста против устава, требуя автономии В. Школы и отказываясь рекомендовать кандидатов в правления.

Всего сильнее волновал студентов и профессуру вопрос о будущем составе Правлений В. У. З.

В случае преобладания в них казенных кандидатов, над выдвинутыми профессурой, неизбежным казалось резкое обострение конфликта.

Недовольство усиливалось назначением в состав университетского факультета Общественных Наук, десятка свежееиспеченных «профессоров» коммунистов и коммунистообразных.

При своей малочисленности, они не могли существенно изменить облика факультета, но прецедент был достаточно знаменателен.

Создание при Университете научно-исследовательских институтов реализовало давнюю мысль Компроса, о разделении научной и учебной функции. Упразднение же философского отделения — осуществило старый завет Руничя и Магницкого: «Вред от философии несомненен, польза же — не доказана».

Все это — не способствовало смягчению студенческих настроений.

До сих пор не были урегулированы и оставались не-
оформленными отношения с Рабочими Факультетами.

Отрицательные стороны рабфакистов — били в глаза.

Но в тоже время, было известно, что в среде их, бес-
партийной в своем большинстве, назревает сильное не-
довольство навязанной им ролью. Связанные крутой
дисциплиной, слушатели рабфаков не решались проте-
стовать открыто, и духовное освобождение их могло
произойти лишь постепенно, при большом сближении со
студенчеством Основных Факультетов, под его постоян-
ным воздействием.

Университетская сходка, посвященная вопросу о вза-
имоотношении с слушателями рабфака, постановила :
признать за ними все студенческие права и допустить
их в студенческие организации. Это знаменательное ре-
шение соответствовало почти повсеместной практике
петроградского студенчества.

Характерно, что, вслед за тем, петроградская совет-
ская пресса повела яркую клеветническую кампанию
против университетского студенчества, приписывая ему
решение диаметрально противоположного характера.

Очевидно, власть имущие учили, насколько для них
опасна позиция, занятая студенчеством. На требование
напечатать опровержение, Н. Кузьмин, назначенный, к
тому времени, редактором «Красной Газеты», ответил,

с ясным лбом: «Разумеется, вы совершенно правы, но... нам невыгодно помещать ваше опровержение».

Но и без того, официальная ложь никого не ввела в заблуждение.

К этому времени, Нэп уже успел произвести перемены, как отрицательные, так и положительные, в жизни студенчества.

Отменено было социальное обеспечение.

«Государственное снабжение», введенное взамен, полагалось лишь меньшинству. (В первую очередь — политически благонадежным).

За то, студенчеству было возвращено хозяйственное самоуправление.

Студенческое представительство, сообразно с этим, было разделено на две секции: академическую и кооперативную.

Тяга широких студенческих масс к организации и взаимопомощи выразилась в образовании ряда землячеств, возродившихся, таким образом, после пятилетнего небытия.

Компрос, относясь к ним с подозрением и недоброжелательством, принужден был мириться с их существованием.

С начала 1922-го года, под'ем, охвативший петро-

градское студенчество, привел к возобновлению широкой борьбы за Советы Старост.

Студенчество мыслило их в качестве верховных общественных органов, руководящих деятельностью как представительств, так и всех студенческих организаций.

Выборы начались одновременно во многих В. У. З.

В феврале 1922-го года, университетская сходка избрала временный Студенческий Совет, поручив ему подготовить, в кратчайший срок, выборы Совета Старост. Так силен был единодушный порыв, так велико общее воодушевление, что и коллектив коммунистов решился протестовать.

Выборы состоялись в мае.

Коллектив мобилизовал все силы, 2000 рабфакистов в том числе. Но воодушевление широких кругов студенчества было настолько велико, что в выборах приняли участие свыше 2.500 студентов «основных» факультетов, пославших в Совет Старост своих прежних вождей. Коммунисты остались в меньшинстве. Положение становилось все более напряженным и следующий учебный год не предвещал спокойствия.

Осенняя компания была открыта Зиновьевым, возвестившим, на петроградской конференции Р. К. П., об опасности, грозящей Советской Властью со стороны тридцатитысячного крамольного петроградского студенчества.

Госполитуправление сделало соответствующий вывод.

По сведениям зарубежной русской прессы:

«Руководители демократического студенчества «изъяты». Арестованы Советы Старост Горного и Технологического Институтов, Военно-Медицинской Академии и Университета».

Сообщалось также о грандиозной сходке универсантов, закончившейся вводом чинов Госполитуправления.

Так вступило петроградское студенчество в 1922/23 учебный год.

Заканчивая этим моментом свой краткий очерк, я хотел бы, в заключение, отметить наиболее характерные черты петроградской студенческой общественности. Но, предварительно, следует коснуться новых, глубоко отрядных, взаимоотношений между петроградским студенчеством и профессурой.

Как уже указывалось выше, борьба за В. Школу велась ее составными элементами в тесном содружестве.

Политика Компроса являлась особенно тяжким испытанием для профессуры..

Полная бессистемность, не таящая и проблеска творческой мысли; суетливая смена предписаний, стремление к подчинению для подчинения, неизменное нарушение данных обязательств, постоянная оглядка на «старшие» комиссариаты — вот свойства ведомства, в руках которого находятся рассадники нашей культуры. Для отпора ему необходима большая общественная выучка и выдержка. Наши профессора, верные, до конца, чистой науке, неприспособленные, в большинстве своем, к общественной борьбе, не всегда проявляли должную стойкость. Тем не менее, студенчеству без труда удавалось находить общий язык с большей частью про-

фессуры, с которой и велась дружная совместная работа. Студенческим представителям удавалось воодушевлять профессиру своей энергией и увлекать ее на путь энергичного отстаивания прав В. Школы.

Отношения между петроградскими профессурой и студенчеством, сложившиеся на основах равноправного сотрудничества, достигли такой степени теплоты, дружественности и взаимного понимания, о каких прежде не приходилось и мечтать.

Профессура выстрадала за эти годы безмерно много.

Продолжение ею, в советских условиях, научного творчества и учебной деятельности — подвиг, в действительном смысле этого слова.

Нельзя не отметить, что область В. Школы не являлась предлогом для борьбы и демонстраций ни для профессуры, ни для студенчества, которые никогда не отказывались от деловой работы с Комиссариатом, при обеспечении прав В. Школы.

Начавшаяся борьба вызвана была бесчестной и губительной политикой Компроста.

Горячая любовь к В. Школе и верность демократическим идеалам поддерживали петроградское студенчество в этой борьбе.

Чувство глубокой привязанности к своей *Almae Matri* неизменно его воодушевляло. Никогда, в дореволюци-

онные годы, студенчество не ощущало с такой силой свою связь с очагами русской культуры, свою ответственность за их судьбы.

Это чувство об'единило все демократическое студенчество, без различия направлений, в общей творческой работе и готовности перенести все испытания, отстаивая свободную В. Школу и свое участие в управлении ею.

Студенческие представители были неизменно связаны узами общественной и личной приязни и почти полным единством взглядов в области В. Школы. Бывали, конечно, второстепенные разногласия, которые несколько усилились к 1922-му году, несколько не колебля основного единения. Основой же, создававшей общее понимание и общий язык, позволявшей не только «вместе бить», но и «вместе итти» — являлась демократическая идеология, сама собой подразумевавшаяся: она была «душой живой» студенческой общественности. И, совершенно автоматически, за пределами последней оставались коммунисты — с одной стороны и правые — с другой.

Старый лозунг, «свободная школа в свободной стране», доказал свою жизненность: лишь те боролись за свободную школу, идеалом которых была и свободная страна. Студенческая демократическая общественность, оказалась, как в давно минувшие годы, единственной активной струей — общественности в целом.

Оценивая значение студенческой борьбы, не следует, конечно, руководствоваться старым масштабом.

Лишь за последнее время общественное пробуждение начинает выводить студенчество из его изолированного положения.

В условиях же глубокого общественного маразма, общего упадка духа, деклассирования всех слоев населения в массу советских обывателей, — особое значение получили неустанная активность и гражданское чувство проявляемые издавна авторитетной общественной группой.

Студенчество стало маленьким оазисом демократической общественности, и студенческие сходки — одними из немногих собраний в советской России, где не голодают лицемерно, где не воздерживаются из робости, где полным голосом выражают свое мнение, не считаясь с последствиями.

В. Школа оказалась и школой гражданского воспитания.

Длительная, планомерная борьба за четкие цели — формировала общественный характер и создавала гражданскую стойкость.

За все эти годы, петроградское студенчество, в своем большинстве, оставалось верным идеалам демократии.

При этом, в 1918/19 году течение социалистическое и несоциалистическое были почти равны по силе.

В 1919/21 годах социалистическое направление получило значительный перевес.

1921/22 год — усилил демократов-несоциалистов.

С недоумением встречал, в части эмигрантской прессы заявление, что социализм скомпрометирован в глазах русского студенчества.

Могу засвидетельствовать с полной определенностью: социалистическое течение пользуется среди петроградского студенчества, выдающимся влиянием и авторитетом.

Молодежь, заполнившая В. Школу за последние годы, не внесла диссонанса в среду старого студенчества.

Полная энергии и жажды знания, она с воодушевлением вошла в круг жизни В. Школы. Ее исключительная жажда знания — особенно знаменательна, если иметь в виду бедственное материальное положение студенчества, усугубляемое постоянным сокращением штатов и скудостью получаемого лишь меньшинством «госснабжения». Нередки заболевания от истощения, не щадящие и тех, которые находятся на среднем материальном уровне.

Однако, бедствуя и голодая, студенты продолжают

заниматься с неизменным научным воодушевлением, с изумительной стойкостью.

При этом, им приходится восполнять прорехи плачевного среднего образования.

К счастью, не смотря на все старания советской власти, В. У. З. все еще остаются очагами науки — и порыв молодежи не пропадает втуне.

Характерна для студенчества и жизнерадостность, не побеждаемая ничем.

Как и встарь, молодое веселье ярко сверкает на многочисленных студенческих вечерах.

Если советская жизнь погубила часть нашего подрастающего поколения, то многих и многих она в значительной мере закалила.

К этим последним и принадлежит большая часть нашей учащейся молодежи.

Конечно, на ней не могли не отразиться годы безвременья и ей присущи многочисленные недостатки и изъяны советской общественной среды, достаточно известные эмиграции и, подчас, преувеличиваемые ею.

Все же, молодое студенчество в значительной степени сохранило нравственное здоровье, повышенность его духовных запросов позволяет нам с надеждой смотреть на будущее нашей культуры.

Правда, сильно распространен тип деловика-одинач-

ки, чистого практика-эгоиста, чуждающегося каких бы то ни было идейных исканий.

Преобладает, однако, иная категория молодежи, чутко отзывающаяся на «гуманитарные» лозунги, восторженно реагирующая на призывы к борьбе «за свободу и культуру», «за лучшие идеалы человечества»; молодежи — исполненной повышенной общественной активности.

Но экзальтированность эта — не означает оторванности от жизни и находится в здоровом сочетании со способностью к реальной, жизненной работе. Наблюдается, за последние годы, рост религиозных исканий, не характерных, однако, для большинства студенчества, отдающего свои духовные силы проблемам живой, реальной жизни.

Весьма значенательно, что тип деловика «американца» чаще встречается среди студентов, поступающих из рабфаков или по казенным рекомендациям. Их коммунистические симпатии, вольные или невольные, редко переживают осенний семестр 1-го курса.

Нельзя отрицать, что у некоторой части нашей молодежи имеется тяга к коммунизму, бывшая сравнительно сильнее в 1920/21 году.

Но бескорыстные коммунистические симпатии, стимулированные единственно доступной в советской России духовной пищей — быстро пошли на убыль.

Борьба Р. К. П. с В. Школой, гонения на студенческое представительство, специфическая деятельность коллективов коммунистов («ком-ячейки» — «ком-ищейки») — все это отвращает от правящей партии платонически сочувствовавшую ей часть молодого студенчества.

Число членов Р. К. П. не превышает, среди петроградского студенчества, 2-х, 3-х процентов. Сменовеховство же ни на минуту не привлекло ничего сочувствия.

По своим политическим симпатиям, большинство молодого студенчества верно традициям старого.

Сообщения о национализме, которым оно, будто бы, увлечено — не соответствуют действительности. Здоровое чувство любви к родине, свойственное нашему студенчеству, не имеет националистического оттенка и чуждо национальной исключительности.

Сказывается, в значительной мере, советская общественная обстановка: политическое образование и воспитание молодежи — оставляют желать многого. Она и не торопится «самоопределиться», довольствуясь, в своем большинстве, отрицательным отношением к большевистской и реставрационной идеологиям, решительно поддерживая демократическое направление в целом и относясь с дружеским интересом к обоим его течениям (социалистическому и несоциалистическому). Молодое студенчество сейчас на распутье — и ближайшие годы определяют его общественный облик.

Среди суровых испытаний, под градом репрессий, борется петроградское студенчество за свои права и достоинство, за права В. Школы.

В этой неравной борьбе, Советская Власть может одержать временную, внешнюю победу.

Но не на долго.

Она бессильна — внутренне покорить учащуюся молодежь.

Она бессильна — омрачить в душе студенчества две ценности, пронесенные им через грозные, скорбные годы.

Первая: беззаветная любовь к В. Школе.

Вторая: неуклонная верность старым общественным идеалам русского демократического студенчества.

Они воодушевляют петроградское студенчество на трудном пути.

Они лягут в основу всего творческого, что оно еще даст родной стране и родному народу.

« Rapid-Imprimerie », 12, rue Royer-Collard - Paris (5^e)
